

О молчаливом Альтмане и дотошном Бабеле, азартном Маяковском и Эренбурге парижских времен, о собачках и обезьянках

<http://oralhistory.ru/talks/orh-585-586>

9 января 1976

Собеседник

Рачек-Дега Ирина Петровна

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 9 января 1976 и опубликована 12 марта 2018.

Введение

Ирина Петровна Рачек-Дега — балерина, актриса театра Грановского, первая жена художника Натана Альтмана — рассказывает о своем детстве: о том, как отец прочил ее в пианистки, а она съезжала на нотах с горки, мечтая стать балериной, о тайных занятиях в балетной школе Тальори в Харькове и самостоятельной жизни в Москве. Рачек-Дега рассказывает о том, как поступила работать в Государственный еврейский театр (ГОСЕТ) под руководством Алексея Грановского и о своем романе с Альтманом, художником ГОСЕТа. В те же годы происходит ее знакомство с Владимиром Маяковским — Ирина Петровна вспоминает несколько смешных эпизодов встреч с поэтом в Москве, а затем в Париже. Рачек-Дега изображает в лицах забавный диалог Альтмана и Исаака Бабеля, невольно ею подслушанный из соседней комнаты во время работы мужа над портретом писателя. Отдельный рассказ посвящен Илье Эренбургу, близкому другу Ирины Петровны, который ввел ее в парижскую жизнь.

Толку из тебя не будет, будешь танцовщицей!

Ирина Петровна Рачек-Дега: Родилась я в городе Харькове, в семье состоятельной, и сколько я себя помню, у меня было тяготение к танцу. Даже в школе учась, я помню, что я всегда поднимала руку и просила выйти. И когда я выходила, я бежала в пустой зал и там танцевала (*смеется*). И, я помню, руководитель нашего класса, говорила: «Толку из тебя не будет, будешь танцовщицей!» Это я помню очень хорошо, а я об этом только и мечтала. Отец категорически был против, у него были понятия, что танцовщица — это все равно что куртизанка: абсолютно, ни за что. Он хотел, чтобы я была пианисткой. Абсолютно мне не хотелось быть пианисткой, никак. Я ходила на уроки, но, вместо того чтобы на урок, я помню, на папке съезжала с горы зимой и возвращалась домой, не будучи у педагога. И все время, где бы я ни была, я танцевала, даже, помню, я ставила балеты на елку. Вот, помню, тогда я уже училась: мать втайне от отца отдала меня в школу Тальори*, была такая итальянка (кстати, это мать Дудинской), я там училась. Она меня очень ценила, у меня были большие способности, я очень быстро все схватывала. Маленькая я была тогда — в первом, во втором классе, и потом, когда отец узнал, он меня запирали, не пускал. В общем, я помню, Тальори тогда прислала своего секретаря, думая, что в материальном дело, что она будет бесплатно меня учить и прочее, и прочее, но ничего не помогало. Но все-таки я продолжала тайно танцевать, и вот поэтому мне и дали эту фамилию, чтоб отец не знал. Понятно?

Виктор Дмитриевич Дувакин: Понятно. Дега.

И. Р.-Д.: Да, художники. И брат у меня художник был, все кругом были художники, с которыми я встречалась. Меня как-то так все поддерживали, меня любили, лелеяли. А потом меня мать послала в Москву учиться. Был родственник, который сказал, что я буду у него жить и что он будет за мной следить. Ну, мать ему доверила, и он приехал — как раз проезжал с юга (я уже не помню, откуда), и она меня ему сдала. Но я у него не жила, потому что молодой человек легкомысленный, ухаживал за женщинами, я ему явно мешала, и я там как-то перебивалась, но матери не говорила ничего. Училась я тогда — было такое хореографическое училище имени Луначарского, там, где Мессерер кончал и многие. Мне было тяжело материально, потому что и родителям было тяжело, они не могли мне помогать много, мне нужно было где-то подрабатывать. В общем, мне пришлось очень тяжело, конечно.

В. Д.: Сколько вам в это время уже лет было?

И. Р.-Д.: Мне было лет пятнадцать-шестнадцать, вот так. Но я где-то там поступала, кем-то там подрабатывала немножко.

В. Д.: Это был НЭП, да?

И. Р.-Д.: Да-да, это был НЭП. Потом вдруг пришло извещение, что набирает еврейский театр Грановского, ему нужны танцовщицы. Мы сговорились — человек десять девушек — и побежали экзаменоваться. Меня он принял, я ему очень понравилась, что-то там станцевала. Потом он меня заставлял в фойе делать какие-то невыдуманные движения, сам не понимая. В общем, я произвела на него впечатление, и меня приняли туда. Вот я там и работала, и училась одновременно.

В. Д.: И учились тоже?

И. Р.-Д.: И училась, и работала. Было очень трудно, тяжело, но я была так молода, и много сил у меня было, что меня на это хватало.

В. Д.: Вы и сейчас молоды и очень <нрзб>!

И. Р.-Д.: Да, молода, конечно (*смеется*). Я себя чувствую молодой. Это самое главное, правда?

В. Д.: Да.

И. Р.-Д.: Ну вот. Вот я помню такой... Я не помню, как называлась эта столовая, куда мы бегали в перерывы между репетицией и спектаклем обедать. Не то это был Жургаз... Наверно, Жургаз, это было на Тверском

бульваре**.

В. Д.: На Тверском бульваре или на Никитском бульваре?

И. Р.-Д.: Нет, Тверском.

В. Д.: На Тверском — тогда это «Дом Герцена»***.

И. Р.-Д.: По-моему, да. Вот там была столовая. Каждый день туда приходил Маяковский, и там мы с ним познакомились. И как-то ему нравились просто молодые девушки, которые веселые, хохотуны. Знаете, вообще, когда молодость, что нам, вообще? — море по колено! Ему нравились, и он ко мне как-то очень нежно и мило относился. Да ко всем нам, в общем, девушкам.

* Балерина Наталья Александровна Дудинская выступала под псевдонимом Тальори, руководила балетной школой в Харькове (1914— 1923).

** Жургаз (журнально-газетное объединение) располагался на Страстном бульваре, 11.

*** Дом Герцена находился по адресу Тверской бульвар, 25. Здесь в 1920-е годы размещались литературные организации РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей) и пр.

Смерть Есенина

И. Р.-Д.: Потом, значит, я помню смерть Есенина.

В. Д.: Вы увлекались Есениным?

И. Р.-Д.: Да. Очень он мне нравился, я очень любила его стихи, но никогда его не видела, никогда. И вот сказали, что гроб его стоит в Доме Журналистов, и как раз было немножко времени свободно до спектакля, и мы — я и еще одна девушка — побежали, буквально бежали туда. И вот мы прибегаем. Я помню, когда я пришла, я остолбенела совершенно от этой картины, которую в жизни не забуду. Лежит юный — ну, просто как мальчик, я его представляла гораздо старше, — такой блондин, и у него такой хохолок на лбу, — знаете, спящий мальчик, юный, юный, — ну, не мальчик, но юноша. И поодаль от него стоит мать его. Это скульптурное изваяние горя. Так у нее платок, я помню, черный застегнут, вот так вот на лоб надвинут, застегнут булавкой. Черный такой кафтан или жупан, не знаю, как он называется. В общем, стояла она, сложив руки вот так вот на груди, вот так зажав. И смотрела, зажав губы, тонкие губы, так зажатые. Ни слезинки. Только смотрела на него и качала головой. Вот так. Это была действительно скульптура горя материнского. Я смотрела на нее — у меня мурашки по телу бегали от этого, понимаете, такого выразительного горя.

Фотография гражданской панихиды по Есенину Сергею Александровичу. Среди присутствующих: Есенина Александра Александровна, Эрлих Вольф Иосифович, Райх Зинаида Николаевна, Пильняк Борис Андреевич, Есенина Татьяна Федоровна, Орешин Петр Васильевич, Казин Василий Васильевич, Иванов Всеволод Вячеславович, Якулов Георгий Б., Толстая София Андреевна, [Берзинь Анна Абрамовна], Александровский Василий Дмитриевич, Наседкин Василий Федорович, Мейерхольд Всеволод Эмильевич, Мариенгоф Анатолий Борисович и другие. 30.12.1925. РГАЛИ

А поодаль так, вдали, немножко в стороне, стояли Мейерхольд и Райх. Райх играла, по-моему, потому что нельзя так горе, понимаете, чувствуется ведь это. Она все время вскрикивала «ах!» — и падала, потом «ах!» — опять падает в объятия Мейерхольда, он ее все время поддерживал. Понимаете, контраст вот этого именно настоящего горя и игры мне ужасно не понравился, был неприятен. И потом мы побежали обратно в эту столовую. Я была под впечатлением.... до сих пор я помню вот это изваяние, вот эту скульптуру матери, горя этого скульптурного. Она не двигалась, стояла. Это страшно, это страшно. И вот там сидел Маяковский и чего-то писал на манжете. Я подбежала к нему, говорю: «Владимир Владимирович! Вы знаете вот...» — и рассказываю все. Он так слушал меня и говорит: «Ну и что ж, ну и дурак». И потом продолжал чего-то писать. Мы быстро-быстро поели и ушли. Вот это я никогда не забуду.

В. Д.: А это «дурак» было сказано каким тоном?

И. Р.-Д.: Ну так, знаете, как-то... Он сидел какой-то такой мрачный, какой-то безразличный, или, может быть, он был в своих каких-то замыслах, не знаю, трудно мне сказать. Он сказал: «Ну что ж, ну и дурак...». Вот так.

В. Д.: Наверное, тогда уже рождалось стихотворение.

И. Р.-Д.: Возможно. Возможно. Может, он это и писал, трудно мне сказать, не знаю. Во всяком случае, меня он не посвятил в это.

Козлячьи лапки

И. Р.-Д.: Потом, когда Альтман начал за мной ухаживать — Альтман как раз делал там постановку, где мы танцевали...

В. Д.: То есть с Маяковским вы еще встречались тут?

И. Р.-Д.: Нет. Нет. Тогда так просто, мимолетно. А вот когда...

В. Д.: Вот эта встреча в столовой была единственной или нет?

И. Р.-Д.: Ну, там встречались, но часто я его не видела. Редко очень. Вот я его увидела и подбежала, и сказала.

В. Д.: Но все-таки вы были уже знакомы?

И. Р.-Д.: Я была знакома, но мельком, мельком, а вот потом, уже когда Альтман начал за мной ухаживать и все такое, писать начал меня, тогда Маяковский начал приходить часто к нам — туда, к Альтману в мастерскую.

В. Д.: Когда вы уже вышли замуж?

И. Р.-Д.: Я еще не была замужем, только роман у меня был с ним.

В. Д.: Но ходил к Альтману и одновременно, тем самым, к вам?

И. Р.-Д.: Ну конечно. Вот тут-то, вы понимаете, он уже ближе познакомился со мной, и, в общем, как он говорил, что он меня жалеет страшно, что я вообще связалась с этим... «старым сатиром» (*смеется*) — называл его. Он все время меня отговаривал от Альтмана. «Зачем, зачем он вам нужен — этот старый сатир?» При нем же это все было сказано. Ну вот, а потом он часто вообще приходил. Я помню, как-то Альтман ушел куда-то на рождение к кому-то, я не знала, кто это и что, и Маяковский позвонил и спросил: «Козлик, что вы [делаете]?». Вот тогда он меня и стал...

В. Д.: Козлик?

И. Р.-Д.: Козлик, Козлик. И называл Козликом. Да, он даже — есть четверостишие у Альтмана в альбоме, он написал мне, посвятил... «козлячьи» — чего-то там — «лапки», чего-то такое. Четверостишие, которое он мне посвятил. К сожалению, я это не могла сохранить, потому что это было у Альтмана в альбоме и ко мне это не попало, мне это не отдали. У его вдовы осталось, она мне не отдала все, что мне... Не знаю, это ее дело, ну не хотела, видимо. Ну, это не важно. Потом, я помню, он позвонил и сказал, что, вот, «что вы делаете?». Я говорю: «Я сегодня свободна и сижу дома, читаю». Он говорит: «Козлик, а я приду, и мы с вами поедем покататься на машине, хотите?» Я говорю: «Хочу». Он пришел. Как раз в это время Альтман писал мой портрет, который сейчас в Третьяковской галерее находится. И стоял мольберт, и закрыт был тряпкой. Он пришел, открыл, смотрел долго, смотрел... «Ну что ж, — он говорит, — художник пишет, но поэт тоже пишет». Так что он все время меня отбивал от Альтмана. Ну, покатались мы, потом он привез меня домой.

Н. Альтман. Портрет И. П. Дера. 1927. ГТГ

Маскарад у Уречиных

А потом был случай такой, я помню тоже, с Маяковским: была семья Уречиных. Где жили они — где-то в районе Никитских ворот, вот в этом вот районе. Я не помню точно, где, очень высоко, на последнем этаже. А я как раз до этого сломала себе ногу и хромала. Уже я ходила, но с палочкой, хромала еще. И они устроили маскарад, бал-маскарад, в масках. И вот Альтман сшил мне костюм, он сам шил костюмы (прекрасные костюмы, между прочим, он шил сам, прекрасно): я помню, такой красный щит спереди, шелковый такой, блестящий, и все отделано черными кружевами, и маска черная, и голые ноги (ну, я в трико была, конечно). И я сказала: «Я не пойду. Потому что, во-первых, меня узнают, потому что я хромаю, меня сразу все узнают». Альтман оделся женщиной, взял костюм (в костюмерной) утопленницы. Такие длинные из веревок волосы. Его никто не узнавал, конечно. Я говорю: «Я никогда не смогу подняться на такой высокий этаж». Не то восьмой, не то девятый. Что-то очень высоко было. А этот говорит, Маяковский: «Козлик! — показав мускулы свои, — а это что?» — говорит. Я говорю: «Владимир Владимирович! Разве можно так высоко меня носить?» «Нет! Я вас понесу!» И он меня, бедняга, нес на руках. Я говорю: «Боже! Бедный, бедный!» Он говорит: «Это же перышко я нес!» *(смеется)*. А я была тоненькая-тоненькая, но все-таки это было, наверно, тяжело. И вот, когда он пришел...

В. Д.: На восьмом этаже.

И. Р.-Д.: Да, это было нелегко, конечно. Но, когда он пришел, он тут же пошел на кухню, кто-то

еще собрался, и начал бросать косточки, играть. Больше его ничего не интересовало. Он был очень азартный, очень. Вот там он весь вечер, и всю ночь простоял, играя в эти косточки. Ну, мы там веселились.

Ну вот, после этого встречи были в Париже, о чем я уже говорила вам. А потом мы узнали о смерти, уже были в Париже. Не пришлось больше его увидеть, к сожалению.

Альтик! Эти ноги надо снимать!

И. Р.-Д.: Но вот с Бабелем я познакомилась в очень смешных обстоятельствах. Это было очень смешно. Но нужно было знать Бабеля. Это был очень любопытный, любознательный человек. Когда он с вами знакомился, он должен был узнать всю вашу подноготную, вплоть до ваших бабушек и прабабушек-прадедушек. Всё! Он задавал вопросы, сыпал. Очень интересный человек был, очень. Был такой случай, как я с ним познакомилась. Как раз это был перерыв у меня между спектаклем и репетицией, и я пришла. Альтман как раз писал тогда и мой портрет... нет, это после уже.

Или... Я не помню. Ну, во всяком случае, это тот период. И как раз Альтману были заказаны портреты писателей. И я пришла к Альтману как раз — отдохнуть между спектаклем и репетицией, и у него наверху была такая лестница — вела в <нрзб> такой, вроде балкона, и там у него была спальня. Я пошла наверх и легла спать там — отдыхала. А в это время пришел к нему Бабель — позировать.

В. Д.: Позировать?

И. Р.-Д.: Да, он же писал... Ему был заказ рисовать, вернее... Рисунки сделать, портреты писателей, в том числе и Бабеля.* Как раз в это время пришел к нему Бабель, когда я была наверху и дремала там, отдыхала. И вот я слышу разговор. Значит, сидит он, и Альтман его рисует, он ему позирует, и он все время сыпет, сыпет, сыпет вопросы Альтману.

И вот я слышу: «Альтик!» И что-то он ему говорит, говорит, что-то спрашивает, спрашивает: «А вы помните это?» Молчание. И вдруг Альтман отвечает: «Ну и что?» Потом опять: «Альтик, а вот вы помните такую-то историю?..» Тоже что-то рассказывает, я не помню деталей, но что-то долго-долго спрашивает, рассказывает, спрашивает, спрашивает. Опять молчание. «Э! Э! Ну и что?»

И. Р.-Д. (смеется): Опять, и вот так несколько раз. И вы знаете, я задыхаюсь там от смеха просто, а он же не знает, что там кто-то есть еще в квартире. Но мне уже надо уходить, и вот все время: «Ну и что?» «Ну и что?» Вот это ответ был Альтмана, многозначительный. Потом, значит, мне надо уходить. Я вдруг сверху спрашиваю: «Который час?» И вдруг Бабель: «Альтик, у вас женщина?» Молчание. «Ну и что?»

В. Д. (смеется).

И. Р.-Д. (смеется): Он говорит: «Альтик, кто это? Слушайте, как вас зовут?» Я говорю: «Меня зовут Ирина». «А кто вы такая?» «Я женщина» «А сколько вам лет?» Я говорю: «Это у женщины не спрашивают!»

В. Д.: Это, наверное, до сих пор так.

И. Р.-Д.: Да. Тогда он говорит: «Ну, а как вы, блондинка или брюнетка?» Я говорю: «Увидите!» Он говорит: «Когда? Скорей сходите вниз!» Я говорю: «Все в свое время!» И вот такие вот переключки все время. «А откуда вы? Москвичка или где вы, откуда вы взялись? Альтик, кто это такая?» Он говорит: «Ну и что?» (смеется) Больше ничего. Но мне надо уже было идти. А там такая лесенка. Я иду, спускаюсь с лестницы медленно. В это время он вскакивает, вот так вот в ладоши хлопает, зажал и говорит: «Альтик! Какие ноги! Стойте!» — крик был. «Альтик, кто же это такая? Почему я ее не знаю?» И тут пошло. Потом, значит, я спустилась вниз, познакомилась с ним. Он говорит: «Альтик! Эти ноги надо снимать!» И что вы думаете?

Он меня таскал по этим кинорежиссерам, снимал мои ноги (*смеется*). Это было очень смешно. Вот так я с ним познакомилась. Очень просят многие писать...

В. Д.: Написать об Альтмане?

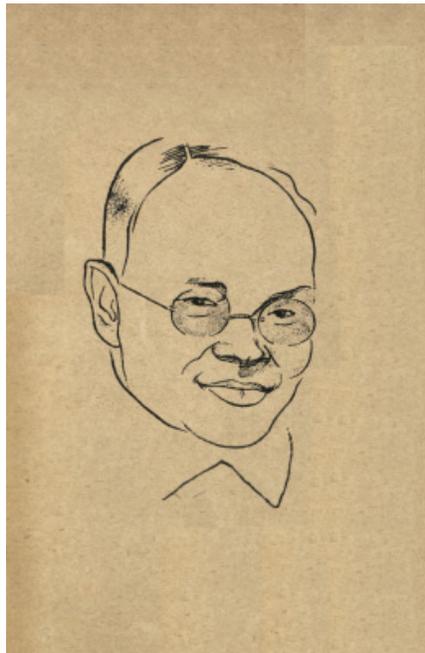
И. Р.-Д.: Да. Очень просят, многие очень. И Эткинд очень просит, хочет издать книгу воспоминаний.

В. Д.: А почему вам трудно?

И. Р.-Д.: Во-первых, писать мне трудно. Болтать — это одно, а писать — это другое.

В. Д.: Да.

И. Р.-Д.: А во-вторых, вы знаете, не все можно писать, не все можно говорить, есть вещи, которые не скажешь, только в себе хранишь.

Н. Альтман. Портрет Бабеля. Опубликовано: Тынянов Ю., Казанский Б. (ред.) И. Э. Бабель. Статьи и материалы. Л.: Academia, 1928

* В 1928 г. в издательстве «Academia» в серии «Мастера современной литературы» вышла книга, посвященная Бабелю, со статьями Н. Степанова, П. Новицкого и Г. Гуковского. Бабель писал матери из Парижа: «В России вышел сборник статей обо мне. Читать его очень смешно, — ничего нельзя понять, писали очень ученые дураки. Я читаю все, как будто писано о покойнике, — так далеко то, что я делаю теперь, от того, что я делал раньше. Книжка украшена портретом Альтмана, тоже очень смешно, я вроде веселого мопса».

Встречи с Маяковским в Берлине и Париже

В. Д.: Значит, Маяковский говорил, что <нрзб>.

И. Р.-Д.: Да. А я еще волновалась страшно. Думаю, господи, ну бедный, как тяжело ему. Ну он потом пришел туда и сразу пошел на кухню играть в косточки. У него всегда с собой были косточки, которыми он играл. Он же был очень азартный и очень суеверный, очень. Он всегда подбрасывал монетку и кричал: «Козлик! Орел или решка?» Всегда задумывал что-нибудь, всегда! Вот когда я с ним встречалась. И потом

были очень интересные с ним встречи.

Потом у меня с ним была встреча в Германии*, когда я ждала визу от Альтмана. Альтман уже был в Париже, я ждала визу.** Кстати, я была без копейки денег; жила я тогда в пансионе... в пансионате, на всем готовом, и мне должны были выплатить заработанные мной деньги, я ждала их, и сидела без денег — потом расплатиться должна была. Вот, и вдруг меня зовут к телефону. Я подхожу, мне говорят: «Здравствуйте». Я говорю: «Здравствуйте». — «Ну, как вы здесь живете?» Я говорю: «А кто говорит?» — «Ну вот, уже стала гордая, никого не узнает, друзей не узнает». Я говорю: «Я положу трубку». «Козлик! Как не стыдно!» Тогда я его сразу узнала, конечно. Говорю: «Ой! Владимир Владимирович! Как я счастлива, что вы здесь!» Он говорит: «Немедленно берите такси и езжайте ко мне!» Ну, я, конечно, ему не призналась, что у меня денег нет на такси. Я к нему приехала в гостиницу — я вижу картину: стоит он, высокий, большой, и маленький портной ему мерит костюм. Это очень мне напомнило, но в обратную сторону — потом Альтман делал как раз к Гоголю иллюстрации в Париже — как раз наоборот было: маленький портной и большой Акакий Акакиевич. А тут наоборот, значит: большой Маяковский и маленького роста портной, который бегал вокруг него.

* Маяковский побывал в Берлине осенью 1928 года.

** Весной 1928 года Альтман выехал с Московским государственным еврейским театром (ГОСЕТ) на гастроли в Европу как художник театра, после окончания гастролей остался в Париже. Рачек-Дега приехала в Берлин, где ждала от Альтмана визу в Париж. В Париже Альтман и Рачек-Дега прожили вместе с 1929 до 1935 года. Альтман вернулся в СССР в 1935 году Рачек-Дега — в 1936.

Н. А. Альтман. Иллюстрации к «Петербургским повестям» Н. В. Гоголя. 1937

И. Р.-Д.: Ну, он там немножко острит насчет всяких застёжек, все такое, а потом, значит, переоделся и говорит: «Ну, Козлик, сегодня всю ночь мы будем по кабакам бегать». Я говорю: «Вот это интересно!»

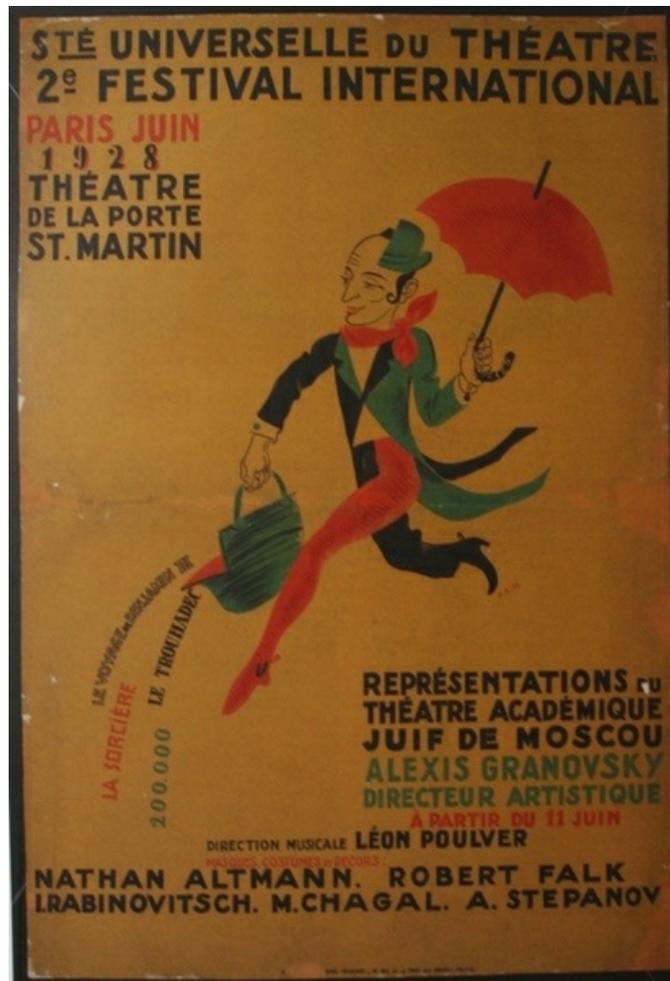
Ночные дансинги...

В. Д.: Вообще-то это слово означает публичный дом.

И. Р.-Д.: Да, да, но это не было, это, вы знаете, в Германии тогда были... В Берлине это было дело. Это были ночные такие дансинги, где были мужчины переодеты в женщин и наоборот, — вот такие были. В общем, сначала мы пошли обедать. И вот я помню его фразу за обедом, никогда не забуду, он как-то открылся так, говорил без шуток, без всего, и сказал: «Знаете, Козлик, если бы меня спросили, что я предпочитаю — любовь женщины или славу, — я бы первое выбрал». Я говорю: «Ну Владимир Владимирович, вы же должны пользоваться большим успехом у женщин, что вы говорите мне?» Он говорит: «Козлик, это не то. Ну, вы еще ничего не понимаете». Я говорю: «Нет, я уже большая, я все понимаю». — «Ну, не будем об этом. Мы будем сегодня веселиться». И вот мы пошли веселиться, что называется. «Веселиться» — это значит мы пошли смотреть все эти ночные дансинги, ночные всякие, ну, как они назывались... ну, в общем, это кабаки, короче говоря, действительно, он был прав, где, например, мужчины были переодеты в женщин. Он был остроумен невероятно. Он давал каждому или каждой (как сказать — это «каждый» или «каждая», которая женщина была... мужчина, переодетый в женщину) — давал название. Каждому, вы знаете, — и так же и женщинам; вот такое меткое, здорово! И вот всю ночь мы так вот и шатались — из одного кабака в другой. Вот тогда я первый раз в жизни увидела эти кабаки. Мне, конечно, было очень интересно. А на следующий день он уезжал.

Ну, он сказал: «Ладно!» Он узнал, что у меня нет денег, что я жду деньги, он мне все предлагал деньги. Я, конечно, не брала, я очень гордая была, я вообще решила жить независимо от мужчин: ни от мужа, ни от кого, а работать, всю жизнь, это я себе дала слово, что я буду независима, — то, что я и сделала действительно, всю жизнь. Я сказала: «Нет». Он говорит: «Я там у старика отыграю в бильярд». А я знала, что у Альтмана там денег нет. Я знала, почему — потому что приехала как раз жена такого актера Соколова, который там был, и сказала, что вот Альтман без денег сидит. Я говорю — пускай не беспокоится, вообще, если вы туда едете, скажите, что я получу довольно крупную сумму, так что деньги будут. Но это был период такой, в котором еще ему не прислали или что — в общем, денег не было. Но не в этом дело. Потом, я когда приехала в Париж, Маяковский там был, и вот я помню, как они играли в бильярд. А он поскольку страшно суеверный... И он считал, что я «*par bonheur*», то есть я ему должна принести счастье. И вот он кричал: «Козлик! Возле меня!» (*смеется*)

” И он бегал вокруг стола, и я за ним. «Козлик! Сюда!» «Козлик! Сюда!» Это было очень смешно. Альтман дико злился, что я ему приношу счастье: он его обыгрывал.

Афиша ГОСЕТа в Париже

О Татьяне Яковлевой и ее семье

И. Р.-Д. (*смеется*): Ну, вот так вот мы веселились, что называется. Это было очень забавно. Ну, потом он уехал. После этого он еще раз приезжал, но это было много позже; это последний раз, когда он был. И был, так сказать, роман с Татьяной. Татьяну я хорошо знала Яковлеву.

В. Д.: Да?

И. Р.-Д.: Да, да, да, я ее хорошо знала. Это такая была интересная внешне женщина, высокая такая, статная. Он был очень в нее влюблен, действительно. И я понимала, что, конечно, ничего не выйдет из этого, безусловно. Надо было знать Татьяну. Ее сестру Лилию, которая не так давно приехала из России, я тоже знала хорошо. Яковлева знала, знала и сестру Яковлевой, и мать Яковлевой. В общем, я бывала в доме там у них.

В. Д.: И шли вы туда независимо от Маяковского?

И. Р.-Д.: Да, абсолютно. Я раньше знала, чем это. Ну что могу сказать? Могу сказать, что старушка-мать... Кстати, обезьянка, вот которой портрет сзади, — это от них. Это они подарили мне. Ну, Альтмана автопортрет с обезьянкой, Макс. С Максом. Эта сестра Яковлева, она певица была. Она ездила в Южную Америку, на гастроли.

В. Д.: Вот эта Лилия, да?

И. Р.-Д.: Нет, я не помню, как ее звали.

В. Д.: Значит сколько же было сестер всего?

И. Р.-Д.: Это племянница его, Татьяна и Лиля — это его две племянницы.

В. Д.: Племянницы архитектора.

И. Р.-Д.: Нет, художника Александра Яковлева. А сестра Александра Яковлева, она была певицей, и она ездила в Южную Америку и привезла... Воспитала там, выкормила из соски маленькую обезьянку — породы капуцин, самая приятная и красивая порода, — и привезла в Париж. Но в Париже у них была небольшая квартира, она с матерью жила, старушкой. И эта обезьяна ужасный шалун был. Страшный! Такой проказник, невозможно. И, поскольку маленькая клетка была, его выпускали на свободу, и он по карнизу лазил. Он на хвосте висел на люстрах, он раскачивался, он чернилами обрызгал все, чернильницу бросал. Бабушка эта совершенно уже обезумела от него. Он снимал, сдирал очки у нее с носа: схватит и с очками бежит на карниз. Бабушка совершенно изнемогала. И я помню, был урок у Преображенской.* Я же училась у Преображенской еще, потом тренировалась, продолжала у нее все время. Анненков меня как раз, когда я приехала, Анненков меня туда отвел к ней.

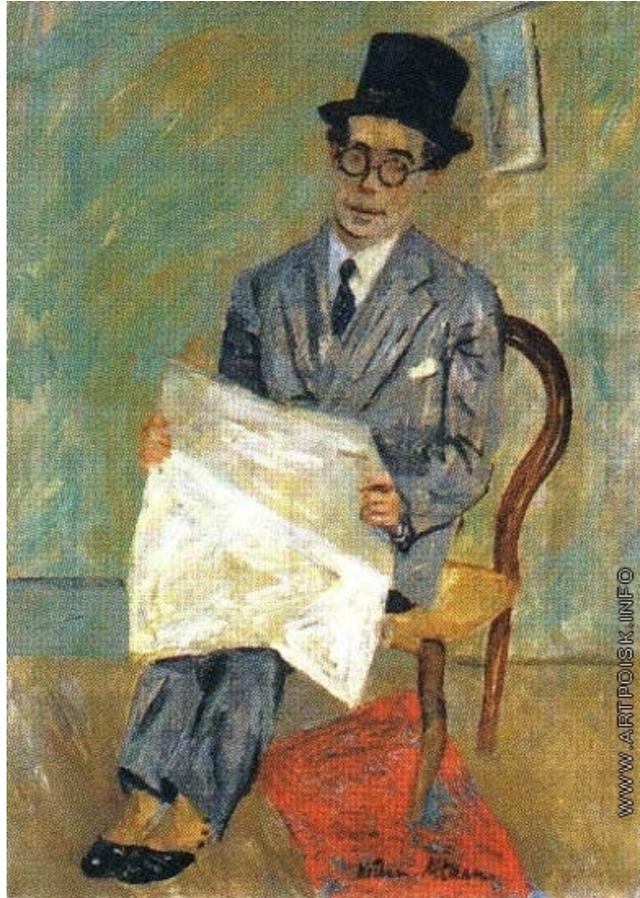
В. Д.: Это...

И. Р.-Д.: Художник Анненков. Юрий Павлович. И я, значит, там у нее занималась очень долго и потом тренировалась очень много лет. И она очень ко мне хорошо относилась и вообще меня очень ценила, и знала, что я люблю животных. А у меня была маленькая обезьянка, уистити, которых у нас нет здесь. Это мне купили, я помню, это мне подарили вскладчину Альтман, Эренбург и Никулин (приехал туда). А я вообще всегда была недалеко от нашего посольства, проходила мимо всегда, и там был магазин обезьяний, где продавали обезьян, и я всегда долго смотрела на этих маленьких — они такие маленькие-маленькие, и у них такая [шерсть], как чернобурая лиса с сединой, и маленькое человеческое лицо с изумительными умными глазами. Это очень красивое животное, но очень злое. И мне страшно хотелось маленькую вот такую обезьянку, они дорогие довольно были. Я помню, я пришла на Монпарнас — там сидели Эренбург, Альтман, Любовь Михайловна (жена Эренбурга), и Никулин как раз приехал в Париж, сидел с ними. Я пришла, такая возбужденная, и говорю, каких я видела обезьян и как мне хочется иметь обезьяну. Тогда Любочка (Любовь Михайловна Эренбург) говорит: «Ну вот! Вы все любите Ирину, все за ней ухаживаете — сложитесь втроем, Эренбург, Никулин и Альтман, и купите ей обезьяну!» Ну, Никулин немножко...

В. Д.: Пожался.

И. Р.-Д.: Пожался, говорит: «Я ее катаю на метро» (*смеется*). Она говорит: «Это, — говорит, — чепуха!» И заставила их купить мне обезьяну. В общем, пошли туда, и мы купили эту маленькую обезьянку в клетке, потом мы сели и начали думать, какое же имя этой маленькой обезьянке. Много перебирали имен, наконец, я сказала: «Маленькой обезьянке нужно дать большое имя — Федор!» И все согласились, что он будет Федька. Вот так этот Федька у меня и жил много лет.

* Балетная студия О. И. Преображенской в Париже располагалась по адресу улица Дуэ, дом № 69.

Натан Альтман. Портрет Л. В. Никулина. 1928 — 1935. С <http://artpoisk.info/files/images/8337.jpg>

В. Д.: И Альтман его зарисовал?

И. Р.-Д.: Нет, Макса.

В. Д.: Это другая?

И. Р.-Д.: Да, это другая. Вот потом, поскольку Ольга Иосифовна Преображенская знала... Она вообще очень любила животных. И всяких дохлых кошек, и кур, все оберегала, охранила — она очень любила животных и знала, что я люблю животных. И однажды на уроке она подходит ко мне и говорит: «Ирина! Ты так любишь животных, а вот Яковлевы — у них обезьяна. Хочешь еще взять одну обезьяну?» Я говорю: «Да». Я страшно заинтересовалась, говорю: «Да, Ольга Иосифовна, с удовольствием». «Ну пойдй к ним, пойдй и посмотри. И возьми, потому что там уже бабушка изнемогает от этого шалуна, он ужасно живой». Ну, я пошла. Я увидела — я влюбилась в эту обезьяну. То есть это такой красоты! Он был такой весь цвета норки, такой рыжеватенький, а у него прическа была такая — бобрчик черный и седые, вверх зачесанные виски. Большие рыжие глаза — как плоски, широкий нос, и улыбался до ушей, буквально.

В. Д.: Улыбался?

И. Р.-Д.: Ну! Он улыбался! Он плакал! Он хохотал! Он целовался! Это совершенно потрясающее было животное. То есть такой, вы знаете, ручной совсем, и безумный шалун, обаятельнейший. Ну, я, конечно, его взяла, привезла домой. Альтман в восторге был. И вот эти две обезьяны — можно даже новеллу написать, жизнь этих двух животных. Федька страшно ревновал, возненавидел Макса. Ну, мы ему соорудили потом большую-большую клетку, колоссальную, как дом, в которой можно было выдвигать внизу ящики и чистить, потому что он ужасный неряха был, он вообще портил все, что возможно было,

в доме, рвал все, что возможно. Ну, уж если рассказывать о них, это очень долгая история, не стоит, я думаю.

В. Д.: Ну, а о Яковлевых-то все-таки?

И. Р.-Д.: Ну, а Яковлевы так. Яковлев жил отдельно, а мать с сестрой жили отдельно. И у него было две племянницы — Татьяна и Лиля. Татьяна вообще была...

В. Д.: Чьи же дочери они были?

И. Р.-Д.: Не то сестры его, не то брата, который жил здесь, в России. По-моему, сестра, если я не ошибаюсь. Не помню, вот не знаю. Нет, по-моему, брат.

В. Д.: Брат.

И. Р.-Д.: Брата, брата. Потому что они тоже Яковлевы, их фамилия Яковлевы тоже. Ну, что о них рассказать? Лиля тоже танцевала, младшая, но так — она была не профессиональна, это ее мало интересовало. А потом она вышла замуж за одного француза, и Татьяна... Что она делала тогда, я не знаю. По-моему, она что-то мастерила, не то шляпы — что-то вот так подрабатывала. Была очень интересная внешне, интересные были девушки. И Маяковский тогда за ней ухаживал, влюбился в нее, вот этот был период. Это я помню.

В. Д.: Ну и какое впечатление она как человек на вас производила?

И. Р.-Д.: Татьяна? Она хорошая была, приятная женщина была и характером хорошая. Вообще, ну как вам сказать? Мне трудно сейчас сказать вообще, я с ней так... Я чаще с Лилей встречалась, потому что мы к Преображенской вместе, и она ходила туда, и потом, Яковлев, так сказать, мне поручил Лилю, Лиля не так давно приехала, чтоб она одна не ходила по улице, и чтоб я всегда вообще ее сопровождала. Ну, у меня времени не было особенно, потому что я очень много работала и занималась, и тренировалась. И, в общем, я изредка все-таки так ее оберегала, что называется. И там встречались мы, в одной компании.

В. Д.: Она действительно очень красива была? Или нет?

И. Р.-Д.: Татьяна — нельзя сказать, что она очень красивая, она интересная скорее была, красивой ее нельзя назвать. Она интересная была: статная, высокая, приятная женщина, безусловно. Ее очень хорошо знали Шухаевы. Вот там она бывала часто очень. А поскольку я вообще очень много работала, и у меня не было времени, понимаете, ходить по гостям, мне бы только скорей бы вечером до подушки добраться, в основном. Ну вот в перерыве только я ходила на Монпарнас, где там сидели мои друзья. Я с ними встречалась и с Альтманом там часто встречалась в основном, а не дома, потому что времени не хватало. Потому что мы ходили потом куда-то в ресторан обедать, вернее, завтракать, это так назывался — с часу до двух — завтрак. А потом я немножко отдыхала и снова на спектакль бежала. Так что абсолютно не было времени, вот такая у меня была жизнь — довольно трудная, я бы сказала. Вот, поэтому я ... А Шухаевы на Монпарнасе не бывали.

В. Д.: А почему вы сказали, что «я понимала сразу, что ничего не выйдет», в отношении Маяковского?

И. Р.-Д.: Вы знаете... Потому что я не верила, что Татьяна поедет в Россию, вот не верила. Ну не знаю, мне трудно сказать, почему, но я не думала, что она оставит дядьку, к которому она очень была привязана, и тетка, бабушка. И потом, она много лет уже жила в России, вот мне как-то не верилось, я не верила, что что-нибудь выйдет. Я вам сейчас говорю то, что я тогда думала, но потом это действительно так и было.

В. Д.: Видите, существует версия, что это не вышло потому, что Лиля Юрьевна, так сказать, расстроила поездку Маяковского и так далее.

И. Р.-Д.: Может быть, если бы Маяковский приехал снова, может быть, она и — Бог ее знает, но она же вскоре вышла замуж за...

В. Д.: Дю Плесси.

И. Р.-Д.: Да, нобль он был. Потом в Польшу она уехала. Он был не то атташе, кто-то, в общем, в Польше, в посольстве французском.

В. Д.: Дю Плесси его фамилия?

И. Р.-Д.: Да, по-моему, так. И она с ним поехала, вышла за него замуж. Даже, может быть, это было специально, чтобы, так сказать, поставить точку. Я думаю, что Маяковский тяжело переживал это. Ну, что вам сказать? Я Лилю Юрьевну тогда близко не знала вообще, ну что, я была тогда девчонка, я издали только ее видела, и я тогда с ней не встречалась. Я с ней встречалась тогда, когда я приехала в 1936 году, тогда я ее узнала.

В. Д.: Это была другая Лиля.

И. Р.-Д.: Это была другая.

В. Д.: Маяковский никогда как-то в разговорах с вами не упоминал Лилю Юрьевну?

И. Р.-Д.: Нет. Никогда он мне не говорил о ней ничего, никогда. Да ну что он мог сказать? Нет, я не помню, не помню ничего. Так, «Лилечка, Лилечка» — иногда что-то вот. «Лилечка сказала» или что-нибудь такое. Но что-нибудь о Лиле — никогда. По-моему, он вообще не говорил. Он ее очень любил, это была его болезнь, по-моему, но он никогда не говорил. Вот эту фразу он мне сказал, что ему не везет в жизни с женщинами. Это действительно так было, действительно. Но я вам должна сказать, что мое впечатление о Маяковском очень высокое, в смысле того, что он — вот так он внешне казался таким грубоватым, знаете... Ничего подобного, он в сущности не был таким. У него было очень доброе и нежное сердце, это безусловно, это чувствовалось во всем. В особенности по отношению к женщинам, независимо, влюблен он или нет. В меня, например, он не был. Я не знаю, может, просто я ему нравилась, может быть, не знаю. Но он, так сказать, видел, что я влюблена в Альтмана. Правда, он всегда говорил: «На что вам этот старый сатир?» (*смеется*) Он его все время ругал. Ну, это, конечно, так, знаете — переключка такая была. Но они дружили и очень хорошо друг к другу относились. И Маяковский очень любил Альтмана, ценил его как художника очень высоко.

Натан Альтман. Маяковский, Верлен и Сезанн. Иллюстрация к стихотворению Маяковского. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме

Ну, больше после этого я, конечно, уже Маяковского не видела. А потом там узнала, будучи в Париже, я узнала, что он, значит, вот... И я сказала одному человеку: «Я представила себе, как это было. Опять же его азарт, «орел или решка». Было это, было.

В. Д.: По отношению к...

И. Р.-Д.: Вот! Умереть или не умереть. Уверена! Уверена! Он был страшно... Вот верил в это, как ни странно, но это так. Он суеверный был очень, азартный и суеверный, это сыграло тоже роль.

В. Д.: Вы говорите о смерти?

И. Р.-Д.: Да. Может быть, если бы повернулось... Как мне сказали, я не знаю, насколько, я же здесь не была. Мне сказали, что это связано было с Полонской как будто бы, с актрисой.

В. Д.: Да.

И. Р.-Д.: Ну не знаю. Вот чего не знаю, того...

В. Д.: Ну, сейчас основная, так сказать, теория... Лилю Юрьевну, можно сказать, даже почти что травят, и считается, что...

И. Р.-Д.: Она виновна?

В. Д.: ...Маяковский был влюблен, хотел сделать семью с Татьяной Яковлевой.

И. Р.-Д.: Хотел.

В. Д.: Хотел?

И. Р.-Д.: Да. Точно.

В. Д.: И не уехал он за границу из-за Лили Юрьевны, которая через свои связи помешала дать ему выездную визу.

И. Р.-Д.: Не знаю. Чего не знаю, не буду говорить.

В. Д.: Вот.

И. Р.-Д.: Не знаю я этого, не знаю, но, может быть.

В. Д.: С Татьяной Яковлевой никаких контактов не было, она не упоминала о Маяковском?

И. Р.-Д.: Я ее не видела после этого.

В. Д.: После.

И. Р.-Д.: Не видела.

В. Д.: Ну, а вместе с Маяковским вы ее когда-нибудь?

И. Р.-Д.: Видела. Лилю вот тогда, у Триоле видела, несколько раз видела, в кафе видела. Ну я вам говорю, я была настолько занята работой, я работала, как негр. Это не то, что сейчас: там профсоюз сильный, раньше этого не было. Я работала, вы знаете, так: вот с утра тренаж, потом репетиция, потом перерыв и спектакль — каждый день. А в воскресные и праздничные дни — два спектакля. Не было выходных, не было! Я вот так работала. Вот контракт кончался, другой контракт, у меня были какие-то две недели — я отдыхала, куда-нибудь ехала отдыхать, потому что я уже была бездыханная, что называется. Мне нужно было отдохнуть, поэтому тогда я встречалась. А это было как раз тогда, когда у меня был договор, контракт, я работала, мне было трудно часто встречаться. Я помню, я их видела один раз — забежала к Эльзе, Эльзе Триоле. Вот там они были, я помню, это в гостинице. Она тогда еще не была женой Арагона, по-моему, он только ухаживал за ней. И там была Татьяна, был Маяковский, по-моему, кто-то еще был. Не помню, кто-то еще и, значит, Эльза. Помню, маленькая такая гостиничная комнатка, ну, мы так посидели, посмеялись, что-то там разговаривали. Потом я убежала, потому что мне нужно было бежать уже на спектакль. А так — часто я с ними не встречалась. Альтман встречался с ними часто, потому что он был свободный, а я нет, я все время была в работе, что называется, тогда. С Маяковским я иногда, когда была свободна, в бильярд ходила с ними. Они играли в бильярд — и часто довольно, когда были свободны, он любил страшно играть в бильярд, тоже азартно очень. Ну что еще? А после этого я больше его не видела, он уехал, и больше не видела.

В. Д.: Эльза с Татьяной Яковлевой была знакома?

И. Р.-Д.: Да, прекрасно, конечно! Конечно, была знакома. Я вот помню, мы встречались там, и причем, может быть, до этого, я не знаю, не помню, знала она Татьяну? Может быть, Маяковский... По-моему, да. Она знала. Она Яковлеву знала, знала.

В. Д.: Она где-то там познакомилась с Татьяной или нет?

И. Р.-Д.: Вот это я не помню, я не знаю. Вы знаете, кто знает хорошо, это Вера Федоровна Шухаева, потому что это очень близкая ей знакомая, приятельница была Татьяны.

В. Д.: <Нрзб> старушка?

И. Р.-Д.: Да, да. Если она приедет, вы у нее можете спросить, она много вам расскажет. Она и про Маяковского, и отношения Татьяны. Я даже могу у нее узнать это. Если она не приедет, я к ней поеду обязательно. Но она должна на выставку приехать, это будет весной. Вот вчера я с ней говорила по телефону: она очень плоха, очень плохо себя чувствует, и она постарается приехать сюда. Она у меня живет, когда приезжает, так что вы ее увидите тогда. Вот она в курсе...

В. Д.: А она доживет?

И. Р.-Д.: Ну, она должна дожить. Что вы, что вы...

В. Д.: Вы думаете, она очень плоха?

И. Р.-Д.: Да нет, она, в общем, и ходит, но ее шатает. У нее болезнь такая ужасная — склеротическое, видимо, это явление. Потом, у нее одеревенение позвоночника, ну, она больная. Но голова у нее светлейшая, она все прекрасно помнит, и Татьяну она очень хорошо знала и знает их отношения — Маяковский с Татьяной, очень хорошо, потому что они часто у нее бывали. Она Татьяну очень хорошо знает и все о Татьяне вам расскажет, больше, чем я. Потому что я с Татьяной только встречалась так, знаете, и все. Мы не дружили, не была мне подругой близкой, отнюдь нет, но так я ее знала хорошо. Встречались — здравствуй, как живешь, и все, и расходились, потому что, я вам говорю, я слишком много работала, чтобы вообще ходить по гостям. Ну вот, это эпопея, так сказать, небольшие рассказы о Маяковском. Ну, что вас еще интересует?

В. Д.: Многое еще другое.

И. Р.-Д.: Например?

В. Д.: Маяковский, меня лично, так сказать, больше всего интересует. Эренбург, конечно.

И. Р.-Д.: Ну, Эренбург...

Хочу фату и флер д'оранж!

В. Д.: Мы еще давайте с вами о Альтмане поговорим.

И. Р.-Д.: О Альтмане очень много можно говорить.

В. Д.: Давайте говорить о Альтмане.

И. Р.-Д.: Да, я не была расписана с Альтманом. Я вам расскажу смешную историю, хотите?

В. Д.: Пожалуйста.

И. Р.-Д.: Ну, короче говоря, так. Я приехала уже когда в Париж — мне дали визу, я приехала, но я не была с ним расписана, я не хотела. Я себя считала самостоятельной женщиной и вообще смотрела на брак так: расписаться, не расписаться — чепуха это.

В. Д.: Ну это тогда было принято.

И. Р.-Д.: Да, и я вообще не настаивала и наоборот даже. А тут, понимаете, в Париже меня выселяют: я не законная жена, то есть я не жена. И надо было срочно пойти в посольство расписаться. Ну что делать? Надо было пойти расписаться. Мы побежали расписываться. А нас ждали в кафе Эренбурги, и, по-моему, Эльза была, Триоле. Кто-то еще. Да, и был Триоле, ее муж бывший, француз Триоле, как мы его называли, Петрович, очень забавный человек был. Вот они сидели и ждали нас, да, и Савичи сидели.

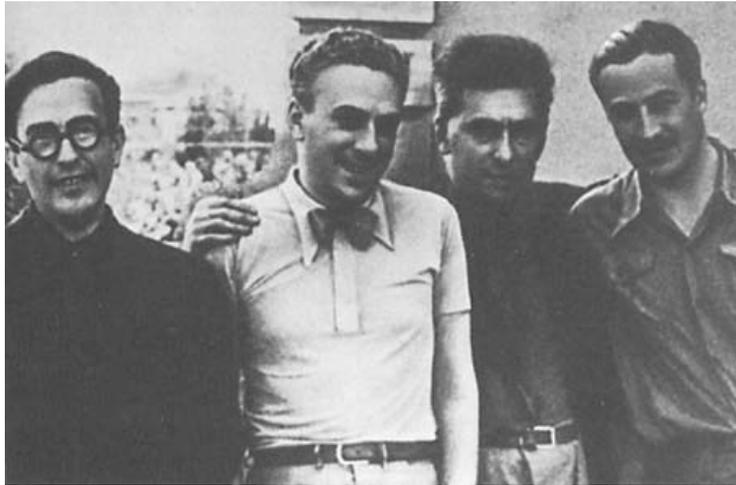
В. Д.: Кто такие Савичи?

И. Р.-Д.: Савичи? Ну как — вы не знаете Савича? Это вот он переводил. Он большой друг, самый близкий друг был Эренбурга, и он писатель тоже. Он много переводил с испанского. Он тоже во Франции жил, в Париже жил, и был как раз на Испанской войне корреспондентом. У него есть много переводов и своих, об Испании много написано. Он умер за год до смерти Эренбурга.

В. Д.: Ну и что, благополучно умер?

И. Р.-Д.: Он болел очень тоже. Нет-нет-нет, он умер своей смертью, то есть он болел. Прелестный, очень

большой эрудит, очень культурный человек. Вот его фотография у меня стоит. Очень интересный человек был, очень способный, очень эрудированный, очень большой культуры человек. Его жена, кстати, сейчас жива — Аля Яковлевна.

Поэт Эмилио Прадос, Овадий Савич, Илья Эренбург и поэт Хосе Эррера Петере в Барселоне

В. Д.: Значит, они — вот Эренбурги, Савичи и кто еще?

И. Р.-Д.: Вот Эльза Триоле.

В. Д.: Ждали вас, когда вы с Альтманом побежали расписываться.

И. Р.-Д.: Да, расписываться, да. Обрато когда мы шли, вдруг церковь — и свадьба. И я вижу, вы знаете, там очень красиво, торжественно так сходят невеста с женихом, идут, цветы тут бросают на ковер. Это было так театрализованно, красиво — я остановилась от восторга от этой театрализации, понимаете, я замерла. И я подумала: «Боже мой, как это красиво» — и расплакалась. Он говорит: «Что с тобой?» — «Я тоже хочу так венчаться!» (*смеется*) Он начал дико хохотать, и мы пришли, прибежали на Монпарнас туда, в кафе, и он начал рассказывать как анекдот о моем восприятии вот этой свадьбы. И надо мной все начали издеваться (*смеется*).

В. Д.: Жестоко.

И. Р.-Д.: Да, и Эренбург уже: «Ирина! Вот мы вас разведем с Альтманом — мы вас женим! За католика выйдете замуж, и вот так будем вас венчать, согласны?» Я говорю: «Согласна! Хочу, — я говорю, — фату и флер д'оранж!» Вот так надо мной все страшно издевались, а Альтман рассказал уже, как я заплакала, как я хочу венчаться.

В. Д.: С его стороны это довольно жестоко.

И. Р.-Д. (*смеется*): Это было очень смешно. Ну вот, потом что вам о Альтмане рассказать? Много и трудно.

В. Д.: Рассказывайте спокойно. Я вас не буду даже перебивать совсем.

И. Р.-Д.: Знаете, очень трудно рассказывать о человеке...

В. Д.: Который вам близок.

И. Р.-Д.: Который мне очень близок, причем даже вот, как ни странно, когда мы развелись, мы стали более близки в смысле душевном, понимаете? Он ко мне начал относиться гораздо лучше и ближе, чем когда мы были женаты. Вот я ничего не понимала, в чем дело. Я очень много на него обижалась, когда мы были [вместе]. Почему? Ну, как у художника, тем более русского художника, который живет за границей,

материально не всегда благополучно. Сегодня у него что-то купили — есть деньги, потом пройдет какой-то срок — денег нет, никто не покупает.

В. Д.: Ничего нет.

И. Р.-Д.: Ничего нет. Но работала я, так что я всегда...

В. Д.: То есть вы его, так сказать, подстраховывали.

И. Р.-Д.: Подстраховкой я была, совершенно верно, всегда, понимаете. Во всяком случае, мы никогда не голодали, деньги всегда были, потому что я всегда работала. Меня охотно всюду брали, у меня было разрешение от министерства... Как называется? Министерство иностранных дел, по-моему, да. У меня было разрешение замминистра работать, на это для иностранцев нужно было брать разрешение, я сама к нему ходила лично, так что у меня было это разрешение. Директоры, которые меня ангажировали, очень охотно меня брали, и я без работы никогда не сидела. Наоборот, даже сразу несколько предлагали, и в отъезды куда-то, и театры французские, и у Фокина я танцевала даже. Вот так. Ну и, что я вам должна сказать, Альтман... Вот не знаю, как вам сказать... Я на него почему обижалась часто? Потому что он писал не регулярно. Я была, можно сказать, рабочая лошадь всю жизнь, понимаете, с детства я работала, и я не понимала, как можно один день не работать. Пускай я вот, скажем, даже свободна — я тренируюсь, я добиваюсь чего-то в моей профессии. А он, понимаете, мог месяц не писать, вот это меня бесило и злило. Мог просто просиживать где-то в кафе целый день или лежать и думать. Но потом я понимала, что он рождает, можно сказать, картину очень тяжело иногда. А иногда — быстро. Иногда он сидел днями и работал, буквально днями, целыми днями, и вечером только выходил куда-нибудь или сидел дома. Но, бывало, месяцами, месяц он ничего не делал, вот такие тогда у нас были разногласия. И это меня очень огорчало.

В. Д.: Вам было обидно, что он...

И. Р.-Д.: Тратит время впустую! Понимаете? Я не хотела примириться с этим, это меня очень злило всегда, и на этой почве у нас были очень большие разногласия. Он очень человек молчаливый, очень скрытный, то есть он не болтливый, понимаете? Как он говорил: «Я хочу сказать, но у меня что-то вот в горле сдерживает. Я не могу выразить все, что я хочу». Я понимаю. Когда я узнала его жизнь, его детство, я поняла. Он, понимаете, замкнутый очень был человек, но очень благородный, безусловно. Очень благородный, очень хороший товарищ, никогда не предаст никого, никогда! Вот это действительно. И, безусловно, большого таланта человек, многогранного таланта. И мне было обидно, что вот он, такой талантище, понимаете, тратит впустую время. Это у него было такое, это меня всегда раздражало.

Фотография Ирины Петровны Рачек-Дега подарена отделу и датирована ею 1930 – 1931 гг.

В. Д.: То есть вы попадали, так сказать, в положение негра? Да?

И. Р.-Д.: Я негр была, точно. Ну, вы понимаете, это моя добрая воля была. Я могла бы совершенно повернуть свою жизнь в другую сторону, у меня были большие возможности. Но я его очень жалела, может быть, это любовь, мне трудно сказать.

В. Д.: Вы его любили.

И. Р.-Д.: Я его любила, да, безусловно. И я его жалела очень, мне его жалко было, что он один, какое-то одиночество у него иногда проскальзывало. Вот я так чувствовала. Понимаете, я его очень чувствовала. И у нас были очень большие недовольства, как бывает в семейной жизни. Ну, это мне трудно говорить.

В. Д.: Перепалки.

И. Р.-Д.: Мы никогда не ругались, мы никогда не высказывались, никогда. Я никогда ему ни одного упрека, кроме вот, чтоб он писал. А больше... У меня много очень обид было, и, когда мы разошлись, я ему все выложила, вот тогда я ему все рассказала. Он сказал мне: «Почему ж ты молчала?» Я говорю: «А я считала так: или надо уходить, или надо молчать». Ну, я предпочла молчать. И после этого он начал меня страшно уважать, он начал открывать во мне какие-то качества, которые я даже в себе не замечала и не знаю. Понимаете? Он всем рассказывал — нашим общим знакомым. Даже Грановской он говорил (он с ней очень дружил), говорил, я никогда не знал, что Ирина такая, никогда не знал, что Ирина способна

на это. Он не знал меня, я не знаю, почему, он потом только начал во мне видеть мою сущность, меня как человека, «ах, Ирина».

В. Д.: Козленочек.

И. Р.-Д.: «Козлик». Да, ну, в общем, Ирина — это легкость какая-то такая в жизни, и все, понимаете, в чем дело?

В. Д.: Понятно.

Н. И. Альтман с Л. М. Козинцевой-Эренбург и обезьяной Федькой. Париж, 1928 г. Фото И. Эренбурга. Фото с: <https://coollib.com/b/262913/read>

Эренбург в Париже и в Москве, уроки жизни, собаки и цветы

И. Р.-Д.: Вот, это меня тоже как-то... Но я, правда, об этом не думала, потому что ко мне очень хорошо все относились, меня все очень любили. Меня очень любил Эренбург. Эренбург для меня... так сказать, мой учитель. Это мой учитель, в каком смысле: учитель — он учил меня жить. Как? Он ввел меня в Париж. Первая моя встреча с ним была в Берлине. Как раз, когда я ждала визу*, Эренбург приехал в Берлин, и я с ним там познакомилась. Альтман сказал ему адрес, телефон, и он пришел ко мне, и мы с ним познакомились, и он меня вывел. Первое — это Савичи. И Тынянов приехал, я помню, да, Тынянов приехал. И меня он вывел, все мы пошли в ресторан — французский. Вот он сказал: «Ирина, как едят во Франции?» Я же не знала, я совершеннейший дикарь была в этом отношении. И вот я помню, как он попросил артишоки, заказал, я в жизни их не видела, конечно. И вот эти артишоки как едят? Я сидела и смотрела — пускай Эренбург первый начнет. И вот там подают соус такой... Ну, вы видели? Вы же не видели никогда артишоки?

В. Д.: Никогда, да.

И. Р.-Д.: Вот это очень жаль. У нас одно время, до войны, продавали. Были-были, да, я помню, откуда-то привозили, может, из Франции, не знаю.

В. Д.: Это что же, фрукт?

И. Р.-Д.: Нет, это овощ. Он такой, как листья, как капуста. Вот такие вот листики, полукруглые и варится, это отварное. Подают его таким, как капуста, но такие полукруглые листики втыканы. И вы выдергиваете каждый листик, макаете в соус и обсасываете кончик только, а там мякоть. Потом, когда все это обсасали, эти листики, тогда там такой, называется «сœur», то есть сердце — сердце артишока как бы. Вот да, это самое вкусное. Там такой как бы мох сверху, вы этот мох сдираете, и остается круглое такое — сердце называется, мякоть, это самое вкусное. И потом режете это и макаете в этот соус, это безумно вкусно.

Эренбург так делает, и я, а он на меня так косо смотрит — как я справляюсь. А я-то косо на него смотрю: как он ест — и я так же. Он — и я так же. Потом вдруг подают такие мисочки с водой. А чего с ними? Что, пить надо после этого? А я не хочу пить. Я сижу и жду. Эренбург смотрит на меня. Я жду. Он тогда вдруг макает руки туда. Я думаю: «Это он нарочно. Он меня покупает».

А потом я вижу — все так делают. Ну и я давай мыть руки там. Оказывается, руками это все едят, потом смывают. Ну это вот был такой вот [эпизод].

Он меня водил там всюду. Потом, когда я приехала в Париж, вот тут мы начали каждый день встречаться, и он начал меня водить уже по французским ресторанам. Он был большой гурман, есть дома он не признавал — только рестораны. Утром всегда... Даже Альтман сделал карикатуру на него и собачку — он же собачник большой был, у него всегда две собачки были, всегда. И вот тогда у него была одна собачка — Бузу звали — такая коротконожка, хвостик такой черненький. Коротконожка, хвостик крепкий, и вот Альтман сделал даже — карикатура есть такая на Эренбурга: он семенит, чуть согнута спина, он идет, семенит, семенит так вот ногами, а сзади бежит вот эта коротконожка, собачка с таким задраным хвостиком, бежит за ним тоже так — семенит, семенит (*смеется*). Это очень хороший шарж. И вот он приходил утром всегда на Монпарнас в «Дом», называлось кафе «Дом». И он пил там кофе, первый завтрак, а собачка подходила всегда к каждому столику, и все кричали: «Бузю! Бузю!» И она подходила так, служила, ей бросали сахарок, и вот к каждому столику, это был завтрак Бузу. Но это так. А потом водил он меня в рестораны, показывал, где какое *spécialité*. *Spécialité* — это значит: это специальность этого ресторана, это специальность этого ресторана, а вот это, если вы хотите — здесь, в этом ресторане. Ну, потом приходили французские писатели-коммунисты, я помню тоже кое-кого. Когда я свободна была, я всегда там с ними встречалась, с Эренбургом. Эренбург вечером всегда в «Куполе» потом (в баре), сидел. Работал он всегда в ресторане тоже часто, то есть не в ресторане, а в кафе. В кафе можно сидеть там целый день: можете пить кофе, заказывать бутерброды, что хотите, и можете сидеть целый день работать — он любил, иногда там писал даже. Вот так. Ну, с Эренбургом у меня очень много лет связано, очень много. Так что вообще он меня, так сказать, ввел в жизнь Франции.

Илья Эренбург. Париж, 1926 год

В. Д.: В жизнь Парижа.

И. Р.-Д.: Парижа. Конечно, он, безусловно. Часто у них я бывала в доме и в Париже, ну а здесь, в России, тоже. Потом, когда я приехала, каждый день — если я день не бывала, он мне звонил и говорил: «Что с вами?» Так что вообще это были очень мне близкие друзья, очень близкие. Так что я его называю своим учителем. Он ко мне очень нежно, очень хорошо относился. Вот так же, как... вроде Маяковского. Знаете, ну может быть, потому что юная я очень была, и... Ну вот какая-то теплота большая была по отношению ко мне, очень большая. С Любочкой я очень дружила.

В. Д.: Это дочь?

И. Р.-Д.: Нет. Это Ирина — дочь. С Ириной я тоже дружна. Это жена его.

В. Д.: Да-да-да.

И. Р.-Д.: Да, Любочка — это жена его. Очень близко дружила.

В. Д.: И Любочка, и Ирина сейчас уже скончались?

И. Р.-Д.: Нет, Ирина жива. Что вы! С Ириной я встречаюсь, Ирина жива. Вот я ей на днях звонила как раз, мы перезваниваемся очень часто. Его еще первая жена жива — Екатерина Оттовна. Очень старенькая. Жива! Я каждый раз спрашиваю: «Как мама?» — у Ирины. Она говорит: «Все время лежит», — говорит. Очень старая.

В. Д.: Ирина, дочь...

И. Р.-Д.: Дочь Екатерины Оттовны, Сорокина. Она потом вышла замуж за Сорокина, переводчика, она же тоже переводчик. От Сорокина у нее двое еще детей были: Сергей — сын, который умер рано, в шестнадцать лет он умер, и Наташа, художница, — это сестра, сводная сестра Ирины. Екатерина с Наташей живут. А в войну как раз они жили в Проточном переулке, что Эренбург даже описал,

разбомбили дом. А я жила в Девятинском переулке.

В. Д.: Напротив?

И. Р.-Д.: Близко, близко.

В. Д.: По ту сторону?

И. Р.-Д.: По эту же сторону, по эту же сторону, там, где посольство сейчас американское, рядом дом, где переулок. В переулке вот в этом доме, это как раз было в войну. Война началась, разбомбили дом, и я осталась одна в квартире. Меня поселили... они уехали в эвакуацию, эти люди, и я там жила, у них в квартире в трехкомнатной. Эренбург позвонил и сказал, могу ли я устроить Екатерину Оттовну и Сорокина, мужа, и Наташу — втроем. Я написала туда письмо. Они прислали разрешение, и мы жили вместе с Екатериной Оттовной тогда. Они жили в этой квартире, пока им потом не дали квартиру. Я знаю хорошо Екатерину Оттовну — это прелестный человек, обаятельная женщина, чудесный человек.

Ну что, об Эренбурге можно говорить, говорить без конца. Но я думаю, что многие могут гораздо интереснее рассказать, чем я, о нем. Ну что вас еще интересует о нем?

В. Д.: Вы видели, как Эренбург работает?

И. Р.-Д.: Вы знаете, он всегда работал, трудно было видеть его не работающим. Эренбург всегда работал — он даже, когда с вами говорил, часто думал о работе. Это был такой работоспособности человек — невероятной. Когда я приходила к ним (он выходил, например, всегда, или я заходила к нему в кабинет) — он работал. Или он читал какие-то там газеты иностранные, всегда он читал. А когда он сидел писал, то я не заходила. Я только заходила поздороваться и уходила, чтобы ему не мешать. А когда он читал, или он выходил тогда из своего кабинета, здоровался со мной, спрашивал что-нибудь и говорит: «Пошел работать». Тогда уже его никто не трогал. Он всегда работал, всегда, он даже сидел за радио — это тоже работа его была. Понимаете, он всегда в работе был, он всегда думал. Это был очень мыслящий человек, большого ума — я таких не встречала. Я очень высокого мнения о нем. То, что он говорил, что предвидел, что может быть, почти все — никогда почти не ошибался. Вот понимаете...

В. Д.: А что насчет войны?

И. Р.-Д.: Насчет войны — безусловно. Я помню, как он, живя во Франции, когда Гитлер пришел к власти, как он говорил и писал о фашизме, он был ярый ненавистник. Даже не мог проехать мимо Германии — его бы тут же убили, так его ненавидели.

В. Д.: Но это уже во время войны.

И. Р.-Д.: Да и до войны, вы что! Он всегда писал разгромные статьи против Гитлера, как только Гитлер пришел к власти. Всегда, я помню, я слышала разговоры... Он очень все хорошо понимал, очень хорошо разбирался. То есть просто он был исключительного ума человек.

В. Д.: Скажите, а вот такой частный вопрос, относящийся к вышесказанному... Скажите, а вы Эренбурга вместе с Маяковским когда-нибудь видели?

И. Р.-Д.: Когда он приезжал в Париж, Маяковский?

В. Д.: Нет.

И. Р.-Д.: Здесь — нет, никогда. Я же не знала Эренбурга, он же здесь не жил, он же жил в Париже.

В. Д.: Ну почему — первые годы...

И. Р.-Д.: Какие первые годы? В России?

В. Д.: Да.

И. Р.-Д.: Да нет. Он жил все время там — в Париже, он же был корреспондент «Известий».

В. Д.: Ну да, но это уже позже.

И. Р.-Д.: Да нет, я с Эренбургом познакомилась — я же вам говорю — в Берлине. Когда я взяла визу, он приехал, а потом в Париже мы встречались. А вот с Маяковским, конечно, он встречался. Туда приезжал Бабель, приезжал в Париж Фадеев, Ильф и Петров. Я их всех там видела, я их водила всюду. Луговской. Луговского даже я...

В. Д.: Луговской был в Париже уже после смерти Маяковского.

И. Р.-Д.: Да, тоже. И все, кто приезжали, все у нас бывали, и со всеми мы встречались, я всех водила. Женю Петрова я даже брала в кино.

В. Д.: По-французски хорошо говорили?

И. Р.-Д.: Я говорила, в общем, более-менее свободно, конечно.

В. Д.: Знаете, почему я задал вопрос? У меня такое впечатление, что между Маяковским и Эренбургом была антипатия резкая.

И. Р.-Д.: Не могу вам этого сказать. Я бы не сказала. Во всяком случае, когда за несколько лет, может быть, до смерти Эренбурга как-то я говорила о Маяковском с ним, вспоминали как-то, я не слышала, чтобы он сказал плохо о нем. Нет, никогда я не слыхала, чтобы он плохо говорил о Маяковском, никогда. Наоборот, я бы сказала даже, с какой-то такой теплотой. Нет, нет, это неправда: были писатели, которых он не любил, я это знала, слыхала много. Были, были.

В. Д.: Например?

И. Р.-Д.: Ну зачем я буду это говорить? Я не хочу, нет, я не хочу. Это наши, так сказать... Может быть, он только со мной об этом говорил. Нет, зачем, не надо, это я не хочу говорить. Во всяком случае, Эренбург к Маяковскому, по-моему, скорее с теплотой относился.

Вот, я помню, я кого встречала там часто: Гроссмана.

В. Д.: Василия?

И. Р.-Д.: Василия, да, он с ним дружил. Вот его я встречала там, Симонова встречала.

В. Д.: Это уже после?..

И. Р.-Д.: Да, позже. Образцов там был. Кстати, он выступал в Доме ученых... Где я его слушала? Нет! Было восьмидесятилетие Эренбурга, я была приглашена, Ирина меня пригласила. Это было в Доме литераторов, и он выступал. Образцов сказал то, что я всегда говорила, что Эренбург — мой учитель. Ну, может быть, он учитель по другой линии. Он эту фразу сказал, и он о нем очень хорошо всегда выступает. И недавно, это было в прошлом году, он выступал в Доме ученых, меня не было. Мне позвонила моя знакомая и сказала: «Жалко, что вы вчера не были, был Образцов, выступал и очень много говорил об Эренбурге, и очень высоко его ценил. Весь зал аплодировал, и все такое». Мне это радостно было. И я помню, — Образцовский же театр рядом с нами, — помню, я бежала куда-то очень быстро по делу, и в это время Образцов. Ну, он, может быть, меня не запомнил, это было столько лет, когда я там его видела. Я подбежала к нему, я говорю: «Можно вам пожать руку за то, что вы...» За это, за это. Он сказал вроде того, что как-то о нем так мало говорят, его вообще не упоминают, а это так грустно. «Поэтому я и говорю о нем».

Вообще, это, конечно, большого таланта человек, большого ума. Он много делал и добра, но и язык у него тоже, знаете, хорошо подвешен был. Его многие не любили. Он умел защищаться, это надо отдать ему справедливость — ну и правильно.

В. Д.: У меня все-таки от Эренбурга двойственное впечатление. Вот как раз в самые тяжелые сталинские годы военные как-то он держался странно. С одной стороны, очень поддерживал <нрзб>, я читал его...

И. Р.-Д.: Воспоминания?

В. Д.: Да. Мне кажется, что в воспоминаниях он очень приукрашивает свою роль, нет?

И. Р.-Д.: Я не почувствовала этого, не знаю. Я там не все знаю, конечно, всей его жизни: то, что мой период... Мне трудно сказать об этом. Вот я буду еще раз перечитывать — я давно читала. У меня есть все это, он мне как раз подарил это свое собрание, я перечитаю. Но я это не почувствовала, нет. Вообще знать Эренбурга очень трудно.

В. Д.: У меня впечатление, что он как-то из нескольких пластов состоит, так, в общем. Ну, это тоже индивидуально, но вы знаете «Хулио Хуренито»?

И. Р.-Д.: Ну, читала я все, но вы знаете, это надо перечитывать, чтоб все точно...

В. Д.: Я считаю, что «Хулио Хуренито» — его самая искренняя книжка.

И. Р.-Д.: Может быть.

В. Д.: Он такой...

И. Р.-Д.: Он трудный.

В. Д.: ...всеобщий опустошенный отрицатель.

И. Р.-Д.: Я бы не сказала этого. Он может очень восторгаться многим, и написанным чем-то, и вообще, он очень зажигается, ну что вы. Вот если что-нибудь ему нравится, он все время будет говорить об этом, будет возносить, будет помогать, он увлекающийся очень человек. А если он кого-нибудь не любит, он будет тоже ругать, он умеет тоже. Вот это правда, да, и ему нельзя вообще... Вот я знаю, один писатель, который его ненавидел, и он умел от него защищаться. Умел.

В. Д.: Он приезжал к нам в университет несколько раз, и как-то он очень свысока со студентами держался.

И. Р.-Д.: Он любил молодежь, неправда. К нему рвалась молодежь, тянулась, это я знаю. Нет, я бы не сказала «свысока».

В. Д.: Мне это очень важно, интересно.

И. Р.-Д.: Нет, нет, нет. Вот это я никогда не замечала, наоборот, он очень любил молодежь, и вы знаете, на похоронах сколько молодежи рвалось! Но их не пускали. Я была, я же знаю, и, кстати, молодежи было колоссально. Вы помните?

В. Д.: Помню.

Н. И.Альтман, Е. Л.Шварц, И. Г.Эренбург. Ленинград, 1957

И. Р.-Д.: Я хожу на могилу, вот недавно Аля Савич уезжала и просила весной, чтоб я на могиле Савича — он похоронен в стене — чтоб я там посадила маргаритки. Я пришла и, конечно, все это сделала, потом пошла на могилу Эренбурга.

В. Д.: Там чудесный портрет Пикассо.

И. Р.-Д.: Пикассо, да, совершенно верно. И я там навела порядок, цветы свежие поставила в банке. Там же вообще ухаживает за его могилой человек, агроном, его приятель, который всегда с ним... У него же хобби было — цветы. Да, ну что вы! Он так выращивал, такие цветы, изумительные. Это его хобби было, он увлекался страшно растениями и животными.

В. Д.: Я этого не знал, что это его хобби.

И. Р.-Д.: Ну что вы! Что вы!

В. Д.: Он любил цветы.

И. Р.-Д.: Цветы, всякие растения, овощи, и затем такие растения, которых у нас нет. Он привозил семена в Тимирязевскую академию, он массу внедрил там. Салаты, например, французские — все это сейчас есть там. Да, и вот такой есть кандидат наук Николай Григорьевич, он ему всегда давал... И он ухаживает до сих пор за его могилой. Это мой хороший знакомый тоже. Всегда он [Эренбург] давал семена французских салатов, которые я у себя на даче сажаю.

В. Д.: Да, Эренбург какой-то многосторонний...

И. Р.-Д.: Он очень любил животных, у нас всегда общее было — это растения и животные. Когда я приезжала к нему на дачу, он вообще мне показывал, что он вырастил. У него была специальная такая... Ну как это называется...

В. Д.: Оранжерея?

И. Р.-Д.: Оранжерея, да, специальная, там же в доме. За городом, это же в Новом Иерусалиме, где он жил. Они там постоянно жили, в основном там, и собаки. А собаки — это его страсть, это любовь невероятная. И у меня тоже. У меня недавно собачка умерла, шестнадцать лет у меня жила. И вот всегда, когда я приходила, у нас разговор был о растениях и собаках. «Ну, как ваш?» А я говорю: «Как ваши?» И вот он рассказывает. Вообще, можно новеллы писать, даже о собаках. Вы знаете, он даже написал, у него что-то есть о собаке. И собак он обожал. Вот, например, утро (я там ночевала иногда). Утро. Сидят две собачки по бокам Эренбурга. Эренбург мажет бутерброд с колбасой или с чем-то, дает сначала одной, потом второй собачке. А потом третья — колли. Там у них терраса была, такая зимняя терраса застекленная — вся в цветах. Это оранжерея была, кстати, это я ее, так сказать, внедрила. Перевезла от меня — у нас очень много ландышей растут. И вот ландыши зимой, тюльпаны зимой, любые цветы, он выращивал их дневным светом. Он делал всякие эксперименты, это все мне потом показывал. У него масса книг была по растительности.

И вот потом, значит, колли. Стеклопанная дверь и морда колли. Он открывает дверь, говорит: «Пожалуйста к завтраку» (*смеется*). Третий бутерброд он дает колли, и потом только начинает завтракать сам.

В. Д.: И начинает завтракать сам?

И. Р.-Д.: Да. Он обожал собак, и всю жизнь он без собак не жил. Из Англии однажды ему привезли собаку, и эта собака оказалась очень злая, даже ненормально, всех кусала. Эренбург сказал: «Вы не умеете с ней обращаться», — и взял к себе в кабинет, и она его укусила. В общем, это была какая-то аномальность. Потом он приглашал ветеринаров специально, ветеринары говорят — аномальность. Тогда он отдал на воспитание дрессировщику. Ничего не могли с ним сделать, и он оставил у дрессировщика. И то он заботился об этой собаке. Он все время давал на содержание и приходил проведать собаку. Вот злой человек, плохой, не может это сделать. Правильно?

В. Д.: Да.

И. Р.-Д.: Вот я считаю, что он, в общем, в отношении животных и людей, которых он любил, был исключительно широкой и богатой, большой души. Безусловно. Это я уже не только на себе испытала. Я знаю окружающую среду — как он к кому относился. Ну вот. По-моему, достаточно вам рассказала об Эренбурге.

Александр Лабас. Портрет Ирины Дега-Животовской. 1979

Любимая модель Альтмана

В. Д.: Об Эренбурге. Вы немножко скомкали Альтмана.

И. Р.-Д.: Альтмана я скомкала. Вообще об Альтмане много можно говорить, но трудно мне говорить.

В. Д.: Мне казалось, как-то замыслы сходились ваши тогда.

И. Р.-Д.: <нрзб> Вы понимаете, в чем дело: мы с ним очень редко виделись, живя вместе. Почему? Потому что — я же вам говорю — я работала, как негр. Тогда не было профсоюза, и была дикая эксплуатация. Я работала с утра, я бежала на тренаж. Потом репетиция, потом перерыв. Вот я там с ним встречалась — в обед только. Ну, это второй завтрак был — с часу до двух. Потом я отдыхала немножко, потом я шла на спектакль. Так что я его видела, может быть, раз в день часа два-три, больше я его не видела.

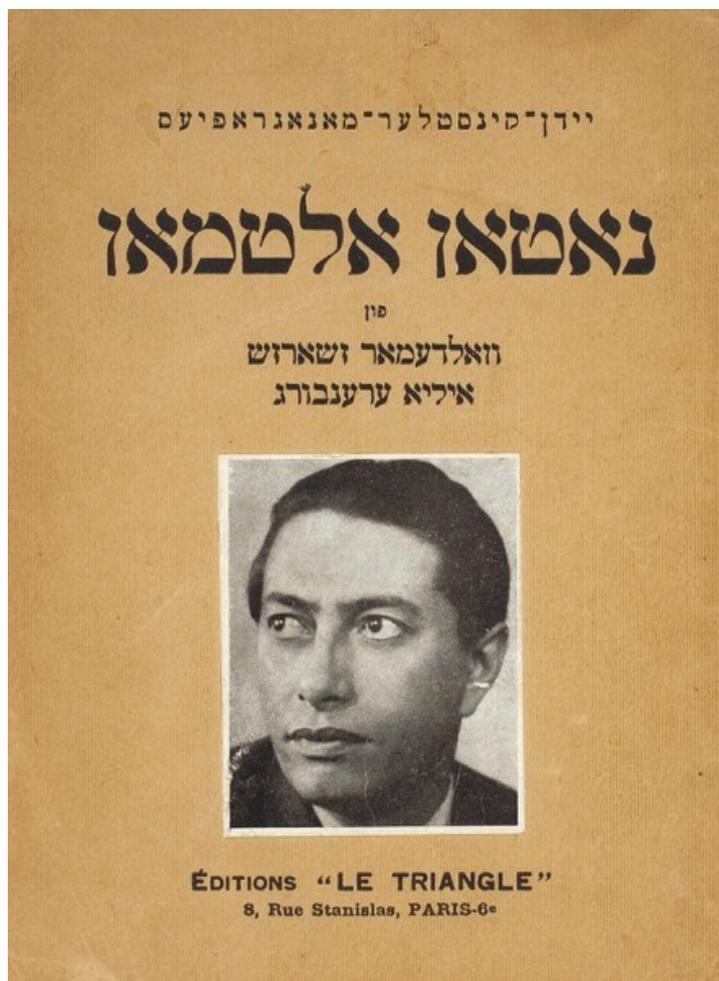
В. Д.: Вечером еще.

И. Р.-Д.: А вечером так было: часто он поздно очень приходил, а я раньше приходила, когда обедала, или же я с ним в кафе встречалась — опять же в группе. И тогда мы шли — он в свою комнату спать, я в свою, и все. Утром я убегала — он еще спал. Или же позавтракаем: первый завтрак — кофе выпьем, я убегаю, он остается. Что он там делает, я не знаю, я прихожу — нет, он не писал. У меня целый день, потом я бегу опять на репетицию или что-нибудь, я его не вижу целый день, вечером прихожу — его нет. Он где-то там с друзьями, с приятелями. Это меня дико злило. Я помню, когда я приходила, я шла, смотрела наверх — есть ли свет или нет. Темнота — мне грустно было.

В. Д.: Вы, так сказать, характеризуете <нрзб>

И. Р.-Д.: Ну да.

В. Д.: Вы об Эренбурге шире сказали <нрзб>.

Илья Эренбург, Вольдемар Жорж. «Натан Альтман». Париж, Триангль, 1933 (идиш)

И. Р.-Д.: Ну да, мне легче говорить об Эренбурге, чем об Альтмане. Ну что я вам расскажу об Альтмане? Альтман, когда начинал работать, он сидел целыми днями. А когда он делал иллюстрации или что-нибудь такое застольное, тогда он сидел и вечерами поздно, никуда не ходил. Вот у него было такими наплывами. И тогда я была очень довольна, у нас чудные были отношения тогда. Как только начинал лодырничать, как я говорила, вот тут-то у нас был разлад.

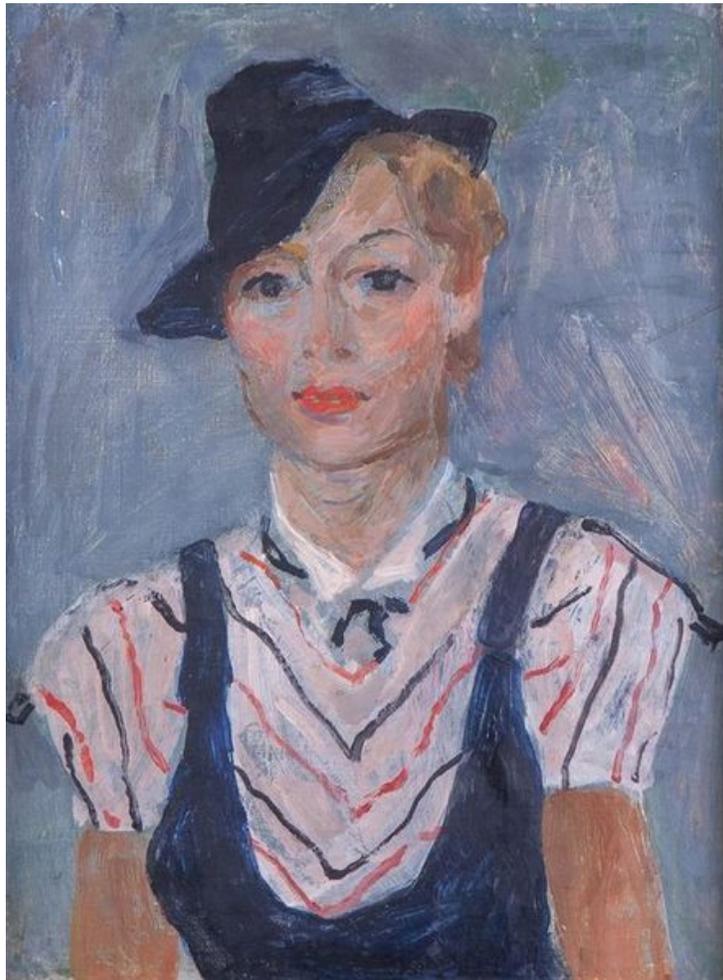
В. Д.: А как он отвечал на ваши упреки о лодырничестве?

И. Р.-Д.: Он молчал, он ничего не говорил, и я тоже потом молчала, в молчанку мы играли. Я очень обижалась на него. А потом, когда он начинал работать или начинал меня писать — он меня много писал, очень много. Вот тогда у нас чудные отношения были, все хорошо, я была довольна, что он пишет.

Я спасала несколько картин, которые ему не нравились, вот, например, был такой «Летний день». Я помню, я пришла с репетиции, ужасно усталая, разделась и легла на тахту. Кстати, этот интерьер — это ателье — он есть, где он его писал, именно в этом ателье в основном. Легла и он меня накрыл какой-то такой портьерой, бордо. И, когда я проснулась, он с мольбертом сидел возле меня и писал, и хотел

снимать уже, стирать — ему не понравилось. Я вскочила, посмотрела — и мне безумно понравилось — это прелестная спящая женщина. Так вот привычка у меня была спать, и вот так закрыто. Плечи голые и светлые волосы на темном, очень как-то было красиво. Я отдернула его руку. «Зачем? Это замечательно, это же очень красиво. Зачем?» «Неужели тебе нравится?» Я говорю: «Очень!» «Ну и бери себе». И я спрятала эту картину. Потом через некоторое время ему показала — ему понравилось. Вот, понимаете? Художнику нельзя позволять сразу реагировать на вещи, которые ему не нравятся. Потому что есть вещи, которые — потом приглядишься — они совсем по-другому звучат. Я, поскольку это знаю и знаю его характер, я часто спасала его вещи таким путем.

Но что ему удавалось продавать — это мои портреты, пользовались большим успехом. Не всегда я могла ему много позировать, потому что — я же вам говорю — я много работала, мне времени не хватало. Вот, например, портрет, который в Ереване, в галерее, я вам показывала фотографию, вот этот портрет тоже был — я в костюме, который мне из Испании привезли. В общем, я его увлекала — надевала какую-то шляпу — у меня было много всяких — цилиндры, шляпы, все это было, тряпки какие-то наматывала, или простыню, ему позировала. Ему хотелось меня писать, ему не нужно было брать и платить деньги натурщице, у него была своя натурщица. Так что много есть разных, многих нету уже, во Франции много осталось, пропало много портретов. Где-то в Осло, по-моему, дивный желтый портрет, дивный совершенно, один из лучших, гораздо интереснее, чем в Третьяковке. Почему этот нравится им, не знаю. Другие не видели, к сожалению.

Натан Альтман. Портрет И. Д. в полосатой кофточке. 1936.

Иногда, вы понимаете, в чем дело... Вот, например, художники — они дня не пропускают, чтобы не писать.

А он месяц мог не писать, что меня дико бесило, дико.

В. Д.: Ну да. Ну это вы уже сказали.

И. Р.-Д.: Я вам говорила это. Ну что вам еще рассказать? Как о человеке, да?

В. Д.: Да.

И. Р.-Д.: Человек он был очень интересный. Он был не многословный, наоборот, скорее молчаливый. Никогда ни о ком плохо не скажет — даже если плохо думает. Очень благородный человек, я бы сказала, безусловно, и очень преданный. Если он уже кому-то обязан... Как он мне писал всегда: «я тебе очень обязан». Может быть, это после развода его держало... или нет, не знаю.

В. Д.: То, что к вам относилось... А вот вообще его характеристика?

Детство Альтмана

И. Р.-Д.: А общая его характеристика — мне трудно о нем говорить. Я вам говорю — как человек он был очень интересный, в смысле работ его. Но вот обидно было почему? Он не мог раскрыться весь, понимаете, вот почему. Это его жизнь сделала. Детство его было очень тяжелое, мать его уехала, отец умер, когда ему было три года. А мать вышла замуж за американца, намного моложе ее и уехала в Америку. А его оставила у бабушки и дедушки в Виннице, и бабушка с дедушкой его воспитывали.

В. Д.: Бабушка и дедушка?

И. Р.-Д.: Да.

В. Д.: Воспитывала его, так сказать, не богемная обстановка?

И. Р.-Д.: Нет, не богемная. И как выявился — это он мне все рассказывал — как выявился его талант? Он всегда в кармане носил уголь и на заборе рисовал городского, карикатуру на городского. И городской каждый раз стирал и искал преступника, и не мог поймать.

В. Д.: Ну, естественно.

И. Р.-Д.: Был праздник как-то, бабушка ему сшила костюм: новые штаны, рубашку. Он взял по привычке уголь и пошел рисовать опять же городского (*смеется*). А в это время...

В. Д.: В каком городе это было?

И. Р.-Д.: В Виннице. В это время идет городской — и увидел этого преступника. Он тогда вскочил на забор, а на заборе торчал гвоздь, и он повис в новых штанах на этом заборе (*смеется*) и сорвал большой кусок этих штанов. Ему от бабушки здорово влетело. И тут пошли разговоры, что он умеет рисовать, что его нужно отдать вообще... И там был как раз... <нрзб>

В. Д.: А кто говорил, что ему надо дать образование, бабушка с дедушкой?

И. Р.-Д.: Нет, так, соседи все вообще были... И потом он начал рисовать сам, начал какие-то рисунки делать сам. Потом... вот я не помню, когда его послали в Одессу учиться. Потом он снова приехал обратно.

В. Д.: Значит, это было, собственно, в еврейском местечке?

И. Р.-Д.: Конечно!

В. Д.: Этот эпизод с городовым.

И. Р.-Д.: Да.

В. Д.: Так что этот городской обозлился сразу...

И. Р.-Д.: Ну да. Но он мальчишкой был тогда. Ну вот, а потом уже он был юноша. Между прочим, вы были на выставке портретов?

В. Д.: Нет еще.

И. Р.-Д.: А вот вы пойдите. Вы увидите его автопортрет: мальчик, прелестный. Прелестный! Карандаш и такой в крапинку. Очаровательный. Это самые любимые мои вещи. И есть еще там — это есть как раз в этой книге — тоже улица. Очень поэтично тоже — Винница, идет парочка такая вдалеке... Вот это все 1908 года вещи, которые я очень люблю.

Натан Альтман. Автопортрет

Тогда был такой меценат, мировой судья. Кстати, его портрет в Тбилиси у одного художника, Потапова, я видела.

В. Д.: Фамилия этого мецената Потапов?

И. Р.-Д.: Нет-нет. Мецената — я забыла, как фамилия, у меня есть письмо как раз. Он, этот меценат, мировой судья. Портрет Альтман написал в 1910 году, и он висит у этого Потапова в квартире. Я не знаю, он жив сейчас или нет, потому что он очень болел. Я с ним переписывалась, с Потаповым. Я была тогда в Тбилиси, мне сказали в музее, что вот есть у Потапова такой портрет, я пошла и сфотографировала его. Но, поскольку мне не проявили Кодак, то он мне прислал черно-белый этот портрет и письмо 1910 года — переписка его с Альтманом. Он ему покровительствовал, продавал его вещи и деньги ему высылал в Париж. Он его послал в Париж, это было до войны 1914 года. Вот это письмо — у меня копия есть этого письма, и фотография есть этого портрета. Я послала Эткинду как раз, который писал о нем книгу, я послала ему тоже эту фотографию.* Вот она. И вот это он переписывал, он посылал ему деньги тогда. Он тогда выставлялся, он тогда очень успешно там работал. Это был период его, так сказать, восстановления. Ну, мы продолжим потом.

* Эткинд М. Н. Альтман. — М., 1971